

Информация к размышлению первая

В начале фильма "17 мгновений весны" Шелленберг вместе с Гиммлером смотрят хронику воюющих стран. Советская хроника показывает, как Сталин и Рузвельт в Ялте «решают судьбу Польши и Югославии». Меня поражает, что мы относимся как к НОРМЕ к этому вопиющему аморальному факту. С какой стати вообще США и СССР решают, какой освобожденной стране быть после войны демократической, а какой коммунистической? Какое право они на это имеют? Освободили страны Европы от Германии – огромное спасибо, честь и хвала. И до свидания! Но вот решать свою судьбу должны сами народы этих стран, а не оккупационные войска. Эти войска США и СССР в таком случае становятся из «освободителей» - оккупантами, ничем от фашистов не отличаясь, ибо как при немецкой оккупации народы не имели права на построение своей страны по своей воле – так этого права не имеют и после освобождения. За них все в Ялте решено. Именно вокруг этого имперского желания Сталина поработить послевоенную Европу и крутится весь сюжет фильма.

План Сталина заключался в том, чтобы как можно глубже в Европу ввести свои войска – это чисто захватнический план, где на кону вовсе не победа над Германией, а захват власти над наибольшим числом европейских стран. Юлиан Семенов выдает сепаратный мир за «очевидное зло», ибо такой мир срывал бы имперские планы Сталина. Но почему вдруг мир – это «зло»? Условия мира, который обсуждали Вольф и Даллес в Берне, - безоговорочная капитуляция Германии, ликвидация нацистской партии и всех нацистских структур, дефашизация Германии, суд над нацизмом и нацистскими преступниками. Все это и произошло в реальности. Причем этот мир никак не мог вести к тому, что Германия и СССР продолжали бы войну далее друг против друга, ибо сами условия мира означают ликвидацию нацизма.

Тут Юлиан Семенов все грубо исказил: на самом деле этот сепаратный мир означал лишь, что немцы без боя отдают свои территории войскам западных союзников, не допуская на эти территории войска СССР. Вот и все. Предположим, что сепаратный

мир, который героически не допустил Штирлиц, все-таки произошел бы – то есть немцы бы капитулировали перед СССР на какое-то время позже, дав возможность войскам западных союзников за это время занять всю территорию Германии. Ну и что с этого? Да, СССР не смог бы тогда создать ГДР и, возможно, установить сталинизм в Венгрии, Чехии или Албании. Но от этих имперских игрищ Сталина нашему народу нет никакого проку. А вот зато были бы спасены жизни около полутора миллиона наших солдат, погибших в последние месяцы войны (особенно кровавым оказался штурм Берлина).

Поставим вопрос иначе: предположим, что Штирлиц узнает, что заключение сепаратного мира в Берне позволит спасти жизни полутора миллионам своих соотечественников, советских солдат. И как он должен тогда поступить? Выбрать конец войны или выбрать гибель 1,5 миллиона земляков, выполняя имперское задание Центра? Тут вопрос о морали: можно ли вообще за достижение Кремлем каких-то иллюзорных внешнеполитических бонусов на карте Европы расплачиваться полутора миллионами жизней своего народа? И поскольку Юлиан Семенов рисует образ Штирлица как либерала («у нас в СД все считают Штирлица либералом»), то он бы наверняка выбрал сепаратный мир и спасение 1,5 миллиона соотечественников. Ибо даже бездомную собачку жалеет и кормит.

Что же касается негативного отношения к САМОМУ ФАКТУ сепаратных переговоров с Германией, то такое отношение нелепо, ибо сам СССР в ходе Великой Отечественной войны постоянно вел такие сепаратные переговоры. Причем СССР был их инициатором в начале войны, когда терпел поражения, а затем их инициатором был Берлин. Уже в 1941 году Сталин и его Политбюро многократно через болгарских послов предлагали Гитлеру сепаратный мир, о чем есть хорошо известные свидетельства главы СМЕРШа Павла Судоплатова (лично по просьбе Берия занимавшегося этим вопросом) и Г.К. Жукова. Летом 1941 (решение Политбюро 28 июня) Сталин предлагал Гитлеру Прибалтику, Молдавию и часть других республик (переговоры через болгарского посла Ивана Стаменова вел Судоплатов), а в октябре, как пишет в мемуарах Жуков, Сталин был готов отдать Гитлеру в рамках сепаратного мира уже Беларусь и Украину.

Объясняя это тем, что и Ленин подписал когда-то с Германией сепаратный мирный договор в Брест-Литовске, отдававший немцам эти республики. Мол, один раз отдали – чего бы и еще раз не отдать белорусов и украинцев ради существования своего государства? Весьма показательно, что «мирные инициативы» Москвы осуществлялись уже после подписания в июле 1941 года СССР и Великобританией соглашения о совместных действиях в войне против Германии. Гитлер тогда не принял эти советские мирные предложения, хотя многие политики Германии (в первую очередь в МИДе – Риббентроп и др.) считали этот отказ ошибкой.

В 1942 года Гитлер снова не слушает Риббентропа на фоне побед на Волге, хотя тот настаивает на заключении сепаратного мира с СССР. А в 1943-44 гг. уже сама Германия (в том числе через посредничество Италии и Японии, крайне заинтересованных в таком мире) ищет сепаратного мира с СССР. К мнению Риббентропа о необходимости мира с СССР в 1943 году присоединяется даже Йозеф Геббельс. А Гитлер временами соглашается на ведение переговоров, но потом от них отказывается и затем снова к ним возвращается.

В апреле 1943 года в Берлин через Токио приходит информация, что Москва готова к сепаратным переговорам на условиях, обозначенных в ходе предварительных обсуждений. Среди них: возврат к границам СССР и Германии 1939 года; автономия

(государственность) Украины; статус Одессы как порто-франко; Ближний Восток (без Турции) становится сферой советского влияния, а Индия – совместного советско-японского. К принятию мира на таких условиях, по сведениям японцев, склонялись не только Сталин, но и Берия, а также Жуков. Но после победы на Курской дуге Сталин замораживает переговоры через японцев.

Кроме «японского канала», активные переговоры Москвы с нацистами в это время (с декабря 1942 года) велись в Стокгольме – на весьма высоком уровне: они велись между главой посольства СССР в Швеции А.Коллонтай и главой посольства Германии Томпсоном. Летом 1943 года к ним подключились высокопоставленный московский дипломат А.Александров и бывший посол СССР в Германии В.Деканозов. После победы в Курской дуге Москва через некоторое время снова возвращается к переговорам в конце 1943 и в 1944 году, но ее новые условия уже другие. На встрече эмиссаров СССР и Германии в Стокгольме целью переговоров Кремля является уже не граница 1939 года, а русско-германская граница 1914 года, власть над черноморскими проливами и пр. Снова переговоры сорвались из-за ряда причин, главная из которых – изменения ситуации на фронте. Все это опровергает поданную в фильме идею о том, что ведение сепаратных переговоров с врагом – нечто плохое. На самом деле это не «нечто плохое», а обязательный атрибут ведения любой войны как в первую очередь подготовка к тому ее возможному состоянию, когда стороны в ходе военных действий зайдут в патовое состояние (фронт замрет на многие месяцы при ситуации, когда соперники будут равны в своих силах и будут не способны столкнуть это равенство в силе). Вот тут и будут нужны дипломаты с их вариантами мира. Причем это «патовое состояние» может иногда возникать не только из-за равенства сил сторон, но и по многим уже узко политическим причинам. И поэтому всякая воюющая страна должна в каждый момент войны подразумевать теоретическую возможность мирного соглашения, ибо всякая война не вечна, а миром и заканчивается, и дипломаты во время войны и занимаются на основе меняющихся политических реалий вопросом мира как «запасного выхода» для ведущих войну политиков. А воспользуются политики этим «выходом» или нет – это уже их дело. Кстати, сам смысл работы дипломатов – это договариваться, решать все мирно. Юлиан Семенов это право дарует советским дипломатам, но забирает его у западных дипломатов. А ведь причина прозрачна – это обыкновенная зависть: Даллес и Вольф вели переговоры о капитуляции немецких войск в Италии, а вот подобных предложений о капитуляции войск Германии в разных районах Европы, оккупируемых СССР, в Кремль не поступало. Потому что большевиков все боялись и стремились уж лучше быть оккупированными войсками Запада, чем сталинскими комиссарами.

Вот тут и лежит главное: почему же немцы были готовы охотно сдаваться американцам, англичанам и французам, но панически не хотели советской оккупации? Юлиан Семенов этот важнейший вопрос 1945 года обходит стороной. Как обходит стороной и тот вопиющий факт, что Берлинская стена, возведенная оккупационными властями для отделения советской зоны в Берлине от трех других (французской, английской и американской), потому и была возведена, что немцы (включая самих пограничников) массово бежали на оккупированную союзниками территорию с территории, оккупированной СССР. А с той стороны к нам никто не бежал. НИ ОДИН НЕМЕЦ. И кто вообще в здравом уме может бежать сюда, откуда ранее сбежала вся русская интеллигенция и весь цвет русской нации? А ведь сама Берлинская стена – это и есть ответ Юлиану Семенову на его демагогию о «нелепости страхов немцев перед

советской оккупацией». Если бы эти страхи были только иллюзией, работой антисоветской пропаганды, то зачем же создавать против этих «иллюзий» вполне реальную Берлинскую стену? Сам факт ее последующего появления и факт бегства сотен тысяч немцев из ГДР в ФРГ доказывают, что Вольф и Даллес не ошибались хотя бы в одном – в неприятии народов Европы, включая немецкий народ, советских порядков, которые будут введены при советской оккупации. Что, кстати, одиозно не похоже на реалии войны 1812 года и Первой мировой, где отношение к армии России, входящей в страны Европы, было совершенно иным – ее тогда никто не боялся, ей все симпатизировали. Это подтвердила и практика: почти во всех «освобожденных» странах «народной демократии» вспыхивали общенародные восстания, которые жестоко подавлял СССР. Хотя не было ни одного восстания против оккупационных западных войск в зоне их оккупации в Европе. В итоге президент Чехии при ее вступлении в НАТО с облегчением говорит народу, что «больше ни один советский танк не появится на улицах Праги» (хотя, заметьте, именно советские танки Чехию освобождали от нацизма Германии), а министр иностранных дел Болгарии искренне плачет от счастья, когда его флаг впервые поднимают среди других флагов стран НАТО. Все было бы иначе, если советские войска, освободив от фашизма соседей по Европе, дружно вернулись бы назад в СССР, позволив народам самим определять свое будущее в рамках Свободы. В таком варианте истории Москву эти страны считали бы вернейшим союзником, которому до гроба обязаны. И все эти страны Восточной Европы искренне были бы сегодня привязаны к России, ощущая себя ей обязанными. Или я не прав?